

жами «Недоросля» воздвигнута незримая, но непроходимая преграда. Это люди разных миров, разных культур, разного образа мысли, и говорят они на разных языках.

Великое искусство переходов от одного характера к другому, с такой силой выраженное у Гоголя и еще более углубленное Достоевским (Мышкин — Рогожин, Аглая — Настасья Филипповна, Свидригайлов — Раскольников), даже зачаточно не присутствует в «Недоросле». Реалисты середины XIX в. остро чувствовали эту «переходность», взаимосвязь характеров. В комедии «Свои люди — сочтемся» Островского Тишка — Подхалюзин — Большов одновременно выражают три одновременные стадии развития одного характера, одного социального типа.

У Фонвизина таких переходов-переливов нет. Простакова и Митрофан несходны даже в тех пороках, которыми наградила их природа или плохое воспитание. Поэтому в «Недоросле» каждый персонаж как бы тянет свою судьбу сам, в одиночку, и семейный конфликт в доме Простаковых не становится выражением больших общественных процессов.

Явления исторической жизни человечества обнаруживают «свою истину» (Гегель) часто не сами, а в тех явлениях, которые приходят им на смену и в «снятом» виде воспроизводят их существенные внутренние противоречия. Смену классицизма реализмом на русской почве можно проследивать в различных жанрах, в различных родах поэзии, но всего интереснее посмотреть на такой устойчивый жанр, как «высокая» комедия, в которой сценические, стиховые и другие традиции обладали наибольшим формальным консерватизмом и должны были препятствовать каким бы то ни было покушениям новаторов.

Русская литература после «Недоросля» создала прочную, устойчивую традицию стиховой комедии от Княжнина до Шаховского и Катенина. Грибоедов как начинающий драматург примкнул к этой линии театральной разработки живой, непринужденной манеры сценического диалога и беспритязательного комизма.

Конечно, русские комики 1810-х годов занимались не только распутыванием комических ситуаций и водевильных недоразумений. Следуя традиции «Недоросля» и французской комедии классического века, они ставили перед собой и общественные проблемы. Герой — отрицатель, «злой насмешник» — был создан до Грибоедова, достался ему в наследство от Шаховского и Катенина с уже определенным обликом и чем-то вроде психологии.²

Однако старшие друзья-драматурги ограничивались этической постановкой вопроса и нравственной оценкой «злого» героя, безотносительно к оценке среды, его породившей, и эпохи, его вырастившей.

² См. статью А. Слонимского «„Горе от ума“ и комедия эпохи декабристов»: сб. «А. С. Грибоедов», М., 1946, стр. 54 и сл.